

Введение

Книга, которую мы предлагаем вниманию читателей, посвящена в основном теории стоимости. Сразу следует предупредить, что пытливый студент не найдет в ней ничего для подготовки к ответственному экзамену. Во-первых, точка зрения, которая здесь излагается, не слишком соотносится с той экономической теорией, которая ныне преподается. Во-вторых, в ней вообще нет сколько-нибудь систематического и последовательного изложения экономической теории (чего же вы хотите от «опытов»?). Более того, даже те выводы, которые могли бы быть сделаны на основании полученных результатов, по большей части не даны, поскольку такое полное и систематическое изложение увело бы нас в сторону от основной идеи – демонстрации методологии, которую следует применять для анализа экономических явлений.

Скажем сразу, что, по мнению автора этой работы, почти 150 лет, прошедшие с момента выхода в свет первого тома «Капитала» К.Маркса, мало что добавили к теоретическому осмыслению экономических процессов. Однако выводы, которые сделал К. Маркс из собственной теории и всей предшествующей ему экономической науки, сыграли злую шутку не только с автором «Капитала», но и с целой отраслью гуманитарных знаний. Эта «шутка гения» заставила множество людей либо послушно повторять Марксовы достижения и ошибки, либо проклинать и опровергать как то, так и другое. При этом забылась та несомненная истина, что любые выводы преходящи, а вечен только метод, если он, разумеется, научен.

Тень Маркса незримо витает над современной экономической наукой, дух его не дает экономистам спокойно спать. Даже если в том или ином толстом экономическом труде Маркс почти не упоминается или совсем не упоминается¹, он все равно незримо присутствует там, как дьявол, имя

¹ Один из главных европейских теоретиков Альфред Маршалл при многословном изложении истории экономических учений счел нужным заметить лишь следующее: «Именно от немецких авторов, некоторые из которых были евреями, мир получил

которого лучше не произносить². Ведь если бы экономист был вынужден высказаться о К. Марксе достаточно подробно и противопоставить его систему категорий своей системе, он встал бы перед дилеммой: либо встать на сторону дьявола, либо опровергнуть «дьявольскую» систему. Абсолютно прав Егор Гайдар, утверждающий, что «попытки выработать альтернативные марксизму концепции глобальных закономерностей исторического развития, в разной степени интеллектуально состоятельные, неизменно отталкивались от Маркса, формировались в полемике с ним»³. Из нашего дальнейшего изложения это будет видно.

Но не прав Егор Тимурович в другом, когда пытается оторвать открытые К.Марксом «глобальные закономерности исторического развития» от той конкретной методологии, которую К.Маркс применяет при исследовании экономических процессов.

«Формирование представлений о современном экономическом росте, - пишет он, - его истоках и закономерностях, о его связях с общественным развитием на протяжении последних полутора веков шло под сильнейшим влиянием марксизма, сложившегося в его рамках видения социально-экономических взаимосвязей. Именно эта составная часть Марксова наследия, а отнюдь не архаичная микроэкономика «Капитала» определила его огромное интеллектуальное влияние,

наибольшую часть самых радикальных среди выдвинутых за последнее время предложений относительно использования мировой собственности на благо общества, лишь с незначительным учетом существующих свойств собственности. Правда, при более близком рассмотрении, их работы оказываются менее оригинальными и менее глубокими, чем кажется на первый взгляд, но они получают огромную силу от их диалектической оригинальности, блестящего стиля и в некоторых случаях от далеко идущей, хотя и неравномерной исторической эрудиции» (Маршалл А. Принципы политической экономии. В 3-х т. Пер. с англ. Р.И. Столпера. М.: Прогресс, 1983. Т. III. С. 206).

²² «Его (т.е. К. Маркса. – Авт.) работа не является аналитической в общепринятом смысле этого слова, а автор этой книги, от природы неспособный отдать справедливость трудам Маркса, не должен касаться их своими нечистыми руками. Некоторые антимарксисты согласились бы с таким выводом, хотя они, возможно, пришли бы к нему иным путем, посоветовав мне не прикасаться своими руками к нечистой вещи, поскольку для них работа Маркса является серией по сути ненаучных обличений, написанных человеком, от природы лишенным способности видеть факты или правильно рассуждать» (Шумпетер Й.А. История экономического анализа. В 3-х т. Пер. с англ. /Под ред. В.С.Автономова. СПб.: Экономическая школа. 2001. Т. 1. С. 505).

³ Гайдар Е.Т. Соч. в 2-х т. М.: Евразия, 1997. Т. 2. С. 291.

притягательность целостной картины мира, соединяющей элементы серьезного научного исследования и светской религии»⁴.

Однако не совсем ясно, что имеет в виду Е.Т. Гайдар под «архаичной микроэкономикой». Не следовало бы называть что-либо архаикой хотя бы до тех пор, пока это не заменено какой-то более современной и логически состоятельной теорией. В особенности это относится к наиболее общим представлениям об экономической действительности, которые обычно называют теорией стоимости, или теорией ценности, где ничего более глубокого со времен К. Маркса пока еще не сотворено, если, конечно, не считать той детской игрушки, которую в просторечии называют теорией субъективной ценности, или теорией предельной полезности, порожденной в свое время представителями так называемой «австрийской школы». И наконец, в-третьих, общие закономерности превращаются в голую схему, если изъят из обращения аналитический инструмент, с помощью которого возможно применять эти закономерности. Методология, с помощью которой К. Маркс исследовал закономерности товарного производства, – это и есть тот самый инструмент. Если же нас не устраивает инструмент, который имеется, надо попросту создать новый. То есть, если нас не устраивает методология «Капитала», - необходимо создать новую методологию.

Вообще каждая значительная веха в истории экономического анализа связана с появлением новой методологии анализа.

«Каждая сколько-нибудь стройная экономическая теория, – писал Н.И.Бухарин, – представляет из себя определенное единство, все части которого связаны между собой крепкою логическую цепью. Поэтому последовательная критика неизбежно наталкивается на основу теории, на ее метод, ибо метод теории и есть то, что связывает воедино отдельные положения всей теоретической системы»⁵.

Такой метод, например, выработала теория, которую всегда называли классической политической экономией. Нам еще придется говорить о ключевых особенностях этого научного направления. Пока же хочется лишь

Там же.

⁵ Бухарин Н. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. М.: Орбита. 1988. С. 29.

оговорить, каких авторов мы будем к нему относить. Раньше казалось, что проблемы здесь никакой нет. Однако в последние годы все сильно перемешалось. Ну прямо, как в доме Облонских.

Так, Джон Мейнард Кейнс почему-то отнес к классикам Альфреда Маршалла. Видимо потому, что сам А.Маршалл считал себя учеником Давида Рикардо. Дальше – больше. Появились еще неоклассики. Причем состав этих новых классиков, в изложении некоторых современных вузовских учебников, носит самый экзотический характер. Например, в одном из них⁶ к неоклассикам относят К. Менгера, Е. Бем-Баверка и Ф. Визера (австрийская школа), Л. Вальраса и В. Парето (лозаннская, или математическая, школа), А. Маршалла и Дж.Б. Кларка (англо-американская школа). Сюда же отнесены и чикагская школа Милтона Фридмана, которая, по уверению авторов учебника, «базируется на классических постулатах», и некоторые другие.

Что же понимают ныне под «классической школой»? По мнению авторов того же учебника, «исходным постулатом классической школы является положение о том, что предложение порождает спрос на них», а также то, что «равновесие на реальном и денежном рынках должно поддерживаться через автоматические стабилизаторы, что дало основание экономистам классической школы сделать вывод о невмешательстве государства в экономическую политику». Не очень понятно, почему именно эти признаки определили классификацию, но достаточно очевиден несколько искусственный ее характер. Так, авторы учебника к классикам относят того же К. Маркса, который, ну, никак не соответствует выдвинутым критериям, причем как первому, так и, в особенности, второму. Объявить, что основатель «научного коммунизма» выступал против вмешательства государства в экономику – это надо было суметь! А куда тогда деть многочисленных социалистов, которые списывали теоретическую часть у

⁶ См.: Макроэкономика/ Под ред. Яковлевой Е.Б. СПб.: Поиск, 1977. С. 38-40.

Рикардо, а в конце требовали обобществления или «рабочих денег»? Или они тоже «антигосударственники»?

Не желая слишком углубляться в детали, мы все же будем вынуждены объяснить, что понимается под классической школой в этой книге и каким критерием мы будем пользоваться. К классикам мы будем относить тех экономистов, которые придерживались трудовой теории стоимости. К наиболее крупным фигурам классической политической экономии можно отнести Франсуа Кенэ, Адама Смита, Давида Рикардо и Карла Маркса. Почему именно их? Да потому, что именно им принадлежат основные достижения в области методологии экономического анализа, которые постепенно определяли поступательное движение политэкономической науки.

Не стоит думать, что каждый из них, поочередно вставая во главе классической школы, исключительно расширял и универсализировал присущие ей методологические принципы. Развитие ее было непростым и не во всем прогрессивным. Выделяя то одни, то другие методологические принципы в качестве основных и определяющих, они невольно утрачивали некоторые из достижений своих предшественников. Такой процесс развития теории естественен и неизбежен. И тем не менее, как уже говорилось, каждый из них внес свой вклад прежде всего в развитие теории стоимости, причем именно трудовой теории стоимости.

В этом смысле, все те, кого учебники относят к неоклассикам, не только не являются представителями классической экономической науки, но наоборот – прямо и непосредственно ей противостоят. С точки зрения теории стоимости, которая, несомненно, является стержнем любой последовательной экономической теории, все они, включая, кстати, и Дж.М.

Кейнса, относятся к маржиналистской школе, начало которой положено теорией предельной полезности⁷.

Чего же добиваются, расширяя рамки классической школы и вводя в ее границы экономических писателей, не имеющих к ней никакого отношения? Имеет ли это какое-то научное значение? Разумеется, нет. Название – это всего лишь название. Но символическое значение, понятно, имеется. Звание «классика» чем-то сродни званию заслуженного экономиста Российской Федерации, а кое в чем даже и выше. Тем самым хотят показать, что отход от трудовой теории стоимости, причем не развитие ее, а именно отход, противопоставление ей иных методологических принципов, происходит в русле позитивного развития науки. Включение маржинализма в сферу классической науки имеет, таким образом, чисто рекламные цели и не отражает действительного положения вещей.

Вместе с тем не следует думать, что такое смешение является абсолютно безобидным и не влияет на общественную значимость самой экономической теории. Различие классической экономической теории и теории субъективной ценности носит абсолютно фундаментальный характер. Если мы на минуту предположим, что последняя верна, то тем самым мы просто вынуждены отказаться от постулатов классической науки. Но если правы классики, значит требуется отложить в сторону теоретические построения маржиналистов, за исключением, разумеется, анализа некоторых специальных вопросов, которые являются плодами не столько теории, сколько наблюдений. Но даже и эти наблюдения, поскольку они не включены в рамки плодотворной теории, не связаны единой методикой, имеют лишь ограниченное применение.

Могут заметить, что вышесказанное – не более как излишний радикализм. Однако нам представляется, что это не так. Проблема не в том, как объяснять величину стоимости товаров – затратами труда или

⁷ Как сказал Й. Шумпетер, «проблема ценности всегда должна была занимать центральное положение и быть главным инструментом анализа в любой чистой теории, работающей с рациональной схемой» (Шумпетер Й.А. История экономического анализа. Т. 2. С. 772).

предпочтениями потребителей. Действительное различие между трудовой теорией стоимости и теорией предельной полезности заключается в том, что первая объясняет стоимость объективными закономерностями, действующими в системе экономических отношений, и тем самым требует исследования этих отношений, а вторая выводит экономические реалии из сознания людей, т.е. требует лишь фиксировать, каким образом сознание отдельных субъектов взаимодействует между собой в экономической сфере. Для приверженцев классической теории экономическая наука существует сама по себе, тогда как адепты предельной полезности считают ее лишь отражением индивидуальной и общественной психологии. Тем самым теория предельной полезности фактически сводит всю науку к тому уровню, какой она была до периода физиократов. А раз так, то либо весь классический период был не более чем случайным зигзагом, прервавшим позитивное продвижение к прогрессу, либо стоит признать, что, начиная с К. Менгера и Л. Вальраса, экономическая наука впала в детство.

В общем, книга эта посвящена именно проблеме обоснования классического подхода к экономической теории. Хотя это совершенно не значит, что мы можем оставить политическую экономию в том виде, в каком ее оставил Карл Маркс. Конечно, попытка в очередной раз оживить в XXI в. марксизм (а также смитианство, рикардизм и т.п.) выглядит совершенным самоубийством. Прежде всего сама экономическая система изменилась до неузнаваемости. Соответственно, должна измениться методология экономического анализа. Но вместе с тем мы постараемся показать, каким образом может быть осуществлена преемственность между современными методами исследования и классическим наследием.

Сразу скажем, что мы отнюдь не ставим целью открытие каких-либо законов движения современного общества и не хотим предсказывать, каким образом это общество будет развивать свое хозяйство. Прежде всего потому, что любое из подобных предсказаний – не более чем описание одной из возможных альтернатив. Перспектива повторить в этом смысле судьбу

автора «Капитала» не слишком-то впечатляет. Задача наша скромнее, но надежнее – попробовать определить те механизмы, используя которые люди управляют экономическими процессами в товарном производстве, а также те ограничения, которые накладываются на сознательное управление экономическими механизмами.